

Анатолий Страхов

Вектор ненависти

18+

Анатолий Страхов
Вектор ненависти

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Страхов А. А.

Вектор ненависти / А. А. Страхов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

"Прятки на сутки" и комиссия по делам несовершеннолетних. Интернет-зависимость подростков и бессилие взрослых перед ней. Суицидные селфи и самоубийства перед ЕГЭ. Компьютерные игры в теракт и настоящие бомбы. Обычные школьники становятся террористами, а школа - объектом совершения теракта.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	15
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Любе Страховой

Я хочу упомянуть об одном очень тяжёлом факте моей биографии. Мне как-то очень долго – лет 6 – пришлось пробыть среди власовцев, не среди жертв – хотя, в общем-то, жертв было больше, – а, так сказать, среди волков. Это были очень страшные и закалённые в ненависти люди. Целеустремлённые и непримиримые. Так вот, добрая половина из них в доверительных разговорах со мной, когда я спрашивал их о том, что же они думали, когда шли с Гитлером или участвовали в том-то и том-то, рассказывали мне о чём-то совершенно подобном – о таких же судах и следствиях. И абсолютно не обязательно, что это были суды уголовные, с тяжёлыми санкциями, – нет, это могло быть простое школьное собрание, собрание актива и общественности, колхозное собрание, милицейский протокол и многое-многое другое. Важно было одно, и это они подчёркивали всегда, – первая трещина в сознании появлялась не от вражеского удара, а от пощёчины, от плевка, от отсутствия государственной совести.

Домбровский. Записки мелкого хулигана

Глава 1

Звонок с урока вдребезги разбил размеренную тишину школьных коридоров. И пока воздух сотрясала акустическая судорога, казалось, что и стены тоже трясутся, будто нечто живое под ударом электрического тока. А когда звонок смолк, настала тишина, беспокойная, тревожная. Тишина-ожидание.

И вот распахнулись двери классов, из них вылетели ученики, как семена из бешеных огурцов. Вырвались – и забегали, загомонили, завопили, да так громко, что лишь звонок на следующий, последний урок перекрычал их.

Вяльцев, историк, на переменах чувствовал себя узником огромной цистерны, по которой лупили железными палками. Окружающий шум наполнял его голову и не давал покоя, хотелось забиться под учительский стол, пусть это и не спасло бы от мучивших его звуков. Из учителя он готов был превратиться в карикатуру на учителя, если бы это хоть как-то помогло. Физичка Репова говаривала: «А что такое белый шум? А это школьная перемена». Вяльцев не знал, что такое белый шум, но изображал на лице ту поддерживавшую разговор улыбку, после которой пронизательный человек и сам понимал, что не интересен своему собеседнику, а Репова на такое просто не обращала внимание. Она была некрасива, но молода, ещё молода, и Вяльцев, находившийся в том возрасте, когда мужчина делит женщин не на красивых и некрасивых, а на молодых и немолодых, одинокий Вяльцев питал к ней сентиментально-анемичные чувства, которые никак не могли распуститься, расцвести наконец.

Уроки же давно стали для Вяльцева единственными приятными отрезками времени. Сидя за столом, стоя у доски или расхаживая по классу, он рассказывал, задавал вопросы, выслушивал ответы. К нему было приковано внимание учеников. Он ставил оценки – и влиял на чужие судьбы. Пусть и незначительно, пусть совсем-совсем незначительно, но всё-таки влиял. Нет-нет, Вяльцев не занижал оценок, Вяльцев был объективен, и это тоже придавало ему значимости в собственных глазах. С грустным лицом, с вечной скептической усмешечкой на губах он полагал, что быть значимым для себя – не так уж и мало, особенно – и этого он никогда даже мысленно не додумывал – если ты почти ничего не значишь в глазах других. Уроки истории были небольшим мирком, пожалованным ему во владение Министерством образования, и Вяльцев, полноправный властелин этого мирка, считал, что является определённой величиной и в большом мире. Занятия воспринимались им как установление гармоничного миропорядка, и всякий раз, когда хаос перемены разрушал гармонию урока, Вяльцев мнил себя патрицием, переживающим падение педагогической цивилизации под натиском малолетних варваров и вандалов. А когда он слышал, как старшеклассники фронтёрски распевали в школе: «Перемен требуют наши сердца!» – то бубнил недовольно: «Анархия, мама – анархия...»

И звонок с последнего урока всякий раз убеждал Вяльцева в том, как недолговечен анархистский порыв. Детский бунт, хлынувший по команде, постепенно стихал, стихал, его эхо некоторое время ещё доносилось с улицы, а потом воцарялись тишина и пустота.

Впрочем, философское настроение возникало у Вяльцева не часто. Обычно учитель запирает пустой класс и, минуя выкрашенные в безжизненно-бледный зелёный цвет коридоры, спускался в столовую, где духовная депрессия сменялась депрессией гастрономической. Питая отвращение к склизким макаронам и жидковатому картофельному пюре, он предпочитал запеканку, поглощая которую, подсчитывал число изюмин в порции. Обычно их попадалось две или три, больше бывало только в дни каких-нибудь плановых проверок, когда в школе ожидалось начальство из РУО. Сегодня же и вовсе не было ни одной изюмины, так что, отхлебнув сладковатого компота, Вяльцев вдруг почувствовал себя проигравшим, обманутым. Словно сыграл с мошенником в напёрстки и проиграл: не на тот напёрсток указал, не ту порцию запе-

канки взял с прилавка. Обида усиливалась ещё и осознанием своей беспомощности: не подойдешь же к поварихам поскандальить, не потребуешь полагающийся изюм, полагающийся, по рецепту положенный, но в тесто не положенный, а положенный в сумку какой-нибудь поварихи. Вяльцев даже попытался представить, как они делят между собой уворованную добычу: всем всего поровну – или одной изюм, другой мясо, третьей макаронны? Последний способ дележа казался более подходящим, наверняка и график составляли: кому вчера досталась курица, нынче мяса не получит, нынче берёт рис. «А мне сегодня досталась пустая запеканка», – подумал Вяльцев, злобно усмехаясь.

Ему вспомнилось детство, вспомнилось, как часто он играл с друзьями за домом, и мимо них ходила женщина с полными сумками. Она работала в школьной столовой, а жила в дальнем подъезде, но шла с работы не коротким путём, а делала небольшой крюк. Дети не обращали ни на неё, ни на сумки никакого внимания, потому что это не мешало их играм. Лишь позднее, уже став учителем, Вяльцев однажды вспомнил про неё, и стало ясно, почему она возвращалась с работы кружным путём: чтобы сидевшие у подъездов жильцы не видели сумок с продуктами, которые она не покупала в магазине, а таскала из школы. И он, советский школьник, и все его друзья и одноклассники годами получали в столовой чуть уменьшенные порции, а эта труженица и её товарки годами – даже не воровали – уворовывали. И Вяльцев снова усмехнулся: «Стоило разрушать СССР, если всё равно ничего не изменилось...»

И вдруг он решил испытать судьбу. Да, испытать, бросить судьбе вызов. Он подошёл к раздаче и попросил ещё кусок запеканки. «Понравилось?» – расплылась в улыбке одна из поваровок. «Нет», – беря тарелку, бросил Вяльцев, так что у поваровки физиономия стала такой, будто её поймали с поличным за дележом того самого изюма.

А Вяльцев вернулся к столу и принялся за вторую порцию. Он втыкал вилку в запеканку так, словно пытался причинить ей боль; челюсти работали с аллигаторским проворством. Вяльцев даже перестал понимать, хочет ли он, чтобы попалась хоть одна изюмина, или наоборот. Он просто поглощал запеканку, испуганно, остервенело, пытаясь что-то кому-то доказать, но не разбирая, что и кому. Наконец, разжевав последний кусочек, он кинул вилку и ругнулся: «Ворьё-поварьё». Хотелось бить посуду, орать и швыряться стульями. Хотелось устроить скандал, но Вяльцев, бережно взяв поднос, встал и направился к окну судомойки.

Когда он вышел из столовой, в кармане завозился смартфон. Звонила мать Серёжи Тосина, ученика из его класса. Вяльцев сделал глубокий вдох, задержал дыхание, досчитал до пяти и принял звонок.

– Аллю.

– Здравствуйте, Андрей Александрович, – голос звонившей казался тревожным и суетливым.

– Здравствуйте.

– Скажите, Серёжа сегодня был в школе?

– Не знаю, у меня сегодня не было уроков в моём классе. А что случилось? – Вяльцев не был уверен, стоит ли переходить к сочувственным интонациям, поэтому вопрос прозвучал несколько отрешённо.

– Он до сих пор не пришёл домой после школы, дозвониться до него мы не можем, он мобильник выключил, мы звонили ребятам, они сказали, что его сегодня в школе не было, – протараторила мать Серёжи.

– Он мог куда-нибудь пойти, – всё ещё отрешённо ответил Вяльцев.

– Но у него мобильник выключен, мы дозвониться не можем.

– У меня сегодня не было уроков в моём классе, – ещё раз сказал Вяльцев. – Я спрошу у наших учителей, был ли он в школе, и перезвоню вам.

Не дожидаясь ответа, Вяльцев завершил звонок и со вздохом направился к доске со школьным расписанием. Классное руководство безмерно тяготило его. Денег доплачивали

очень мало, зато ответственность и нагрузка возрастали существенно. Одни только внешкольные мероприятия чего стоили. И родители учеников постоянно названивали: то снимите с питания – ребёнок заболел; то поставьте на питание – ребёнок выздоровел; то узнать что-то архиважное; то сообщить что-то архиважное; то ещё какая-нибудь глупость. Теперь вот Тосин срулил куда-то после школы, а ему, Вяльцеву, покоя не дают. Не работа – мученье.

Быстро найдя нужную клетку в таблице расписания, Вяльцев чуть улыбнулся: последним уроком в его классе сегодня была физика. Что ж, это был повод заглянуть к Реповой. Настроение как будто улучшилось, и учитель, окончательно позабыв про запеканку без изюма, бодро направился к лестнице.

Репова как раз запирала дверь, когда он подошёл к ней.

– Ольга Михайловна, день добрый.

– Здравствуйте, Андрей Александрович, – повернулась в нему Репова. Её лицо являло собой дисгармонию красоты: миловидные глаза, нос, губы природа не пожелала соединить в миловидное целое – лицо Ольги Михайловны. Отчего казалось, что перед вами – оживший портрет Пикассо.

– У вас ведь пятый урок был в моём классе?

– Да, в вашем.

– А Тосин был на уроке?

– Тосин? Нет, его не было. А что?

– Да вот, ищут Тосина. Ищут пожарные, ищет милиция, ищут фотографии нашей столицы, – чуть насмешливо продекламировал Вяльцев.

– Что-то случилось? – встревожилась Репова.

– Надеюсь, ничего серьёзного. Штатный прогул. Не волнуйтесь. Всего вам доброго.

– До свидания, Андрей Александрович.

– До свидания, Ольга Михайловна.

«Как старосветские помещики, – думал Вяльцев. – Андрей Александрович. Ольга Михайловна. Ещё бы галантно раскланялись...» Необходимость называть Репову Ольгой Михайловной, а не Олей стесняла Вяльцева и воспринималась им как непреодолимый барьер для развития их отношений. Он пасовал перед условностями педагогического коллектива, ни разу не задумавшись о том, как их можно преодолеть.

Вернувшись в свой класс, Вяльцев включил компьютер, загрузил электронный журнал и увидел, что Тосин сегодня не был ни на одном уроке. Он отзвонился маме Тосина. Та всё ещё не знала, где находится сын, и сообщение Вяльцева окончательно убедило её в том, что стряслось нечто серьёзное.

– Нужно звонить в полицию, – проговорила она, словно не была до конца уверена в необходимости этого шага.

– Да. Если считаете нужным – звоните, – ответил Вяльцев. Ему не хотелось, чтобы события разворачивались именно так. Ему не хотелось, чтобы события вообще разворачивались. Он собирался уйти домой и провести остаток этого пасмурного сентябрьского дня, находясь в состоянии усталости и лёгкого отупения; может быть, даже вздремнул бы... Но отсоветовать звонить в полицию было бы в данной ситуации крайне неосмотрительным шагом, и Вяльцев добавил:

– Позвоните.

Завершив звонок, Вяльцев стал размышлять, нужно ли ещё задержаться в школе или можно уходить. В самой школе ничего не случилось, раз Тосин тут не появлялся. Он, Вяльцев, тоже ни при чём. С другой стороны, ответственность за то, где ученик находится во время школьных занятий, ложится на учителя – и иногда очень тяжёлым грузом. Даже если Тосин через час придёт домой цел и невредим, избежать формальных объяснений Вяльцеву всё равно не удастся. Он подошёл к окну, и в этот миг из-за облаков показалось солнце и залило светом

школьный двор. Вяльцев смотрел на пожелтевшие деревья, на лужи, и тоска наполнила его душу. Начался очередной учебный год, очередной цикл бесконечного процесса образования, воспитания и развития. Будет прочитан материал, будут отработаны часы, будут проведены контрольные работы, будут выставлены оценки. Будет проведена ГИА. Всё будет сделано. Бег по кругу. Жизнь без цели. А потом – снова первое сентября, снова отыграет песенка Шаинского про «учат в школе, учат в школе, учат в школе». Вяльцев постареет ещё на год, незаметно так постареет. И – никаких перспектив впереди. Сейчас нет – и потом не будет. А тут ещё Тосин...

Придя домой, Вяльцев опять позвонил маме Тосина. Та сообщила, что по-прежнему ничего не известно, хотя она обзвонила всех Серёжиных друзей. Сама она уже находится в полиции, привезла фотографии сына, написала заявление на розыск. По голосу чувствовалось, что женщина держится из последних сил и нервный срыв близок. Всё же Вяльцев не смог побороть любопытства и поинтересовался: «Что в точности произошло?» Оказалось, что Серёжа утром ушёл в школу, ушёл как обычно, с рюкзаком. А теперь выяснили, что он нужные тетради и учебники с собой не взял, а что лежало в рюкзаке – не известно. И никто его больше после этого не видел. Куда он ушёл? Зачем? А главное – с кем?..

Вяльцев выслушал, выразил сочувствие и готовность помочь. Теперь и он начал волноваться: произойти могло всё что угодно, даже непоправимое. Раз Тосин не взял учебники, выходит, он что-то задумал, заранее спланировал. В его возрасте на такое идут легко и быстро, не задумываясь о последствиях. Вяльцев порылся в памяти, стараясь отыскать хоть что-нибудь, случившееся недавно и касавшееся Тосина, но ничего не вспомнилось. И вдруг его озарило: нужно было проверить по классному журналу, не отсутствовал ли сегодня кто-то ещё. И по журналам других классов тоже. Не бог весть какие сведения, но и они могут иметь значение. С юношеской увлечённостью он решил действовать. Загрузил компьютер, но обнаружил, что интернет-соединение не устанавливается: в браузере появилась картинка с извинениями за сбой в работе сервиса. Сообщалось, что восстановительные работы уже ведутся и доступ в интернет будет восстановлен в ближайшее время.

Чертыхаясь, Вяльцев наспех оделся и направился обратно в школу, до которой было пару остановок на автобусе. Но его охватило возбуждение, хотелось действовать, а не терять время на остановке, и он быстрым шагом пошёл вдоль проезжей части. И чем ближе была школа, тем больше он чувствовал уверенность в том, что его догадка верна и он найдёт, обязательно найдёт ценную информацию.

В классе Вяльцев первым делом просмотрел журнал своего, 8 «Б» класса. Кроме Тосина никто больше уроков сегодня не пропускал. Вяльцев просмотрел журналы других восьмых классов, но и там не нашёл ничего существенного: из 8 «А» пропустила занятия отличница Лена Колтунова, а в 8 «В» отсутствовавших вовсе не было. Решив, что между Тосиным и Колтуновой вряд ли возможно протянуть цепочку причинно-следственных связей, Вяльцев приступил к изучению журналов седьмых и девярых классов, но и в них не нашёл ничего интересного.

Испытывая разочарование от несбывшейся иллюзии, Вяльцев трахнул с досады по столу кулаком и выключил компьютер. «Возомнил себя Эркюлем Пуаро!» – злобно сказал он, не в силах справиться с нахлынувшей досадой.

И лишь на обратном пути он сообразил, что результаты его проверки тоже могут оказаться важными. Вяльцев некоторое время колебался, не желая навязываться и беспокоить и без того измученную женщину, но всё же позвонил, извинился, объяснил ситуацию, сказал, что остальные ученики вряд ли причастны к пропаже мальчика, выразил надежду на то, что всё разрешится благополучно. В ответ мама Серёжи долго и горячо благодарила его за помощь и равнодушное отношение, так что Вяльцеву даже стало неловко.

Происходившее уже пугало и угнетало учителя. Серёжа Тосин, обычный восьмиклассник, ещё вчера получивший «четыре» за ответ на уроке, привычно мелькавший в толпе учеников, – этот самый Серёжа теперь находится невесть где. Да и жив ли он?..

Дома Вяльцев достал фотографию класса, сделанную пару недель назад по случаю начала нового учебного года. Вот Серёжа, стоит в третьем ряду. Ничем не выделяется, ничем не отличается от остальных. Но остальные сегодня были на занятиях, а он – нет. Остальные и завтра придут в школу, а он?.. Вяльцева пронзил ужас. Он смотрел на ребят – и видел ребят, и знал, что они живы. А Серёжи на снимке словно и не было. Его лицо, шея, плечи стали пустой видимостью, за которой – дыра, провал, пустота.

Потом Вяльцеву позвонила директор, взволнованная, расспрашивала его о Тосине. Расспрашивала так, словно именно Вяльцев виноват в случившемся. Словно учителю следовало сегодня утром зайти за учеником и за руку привести его в школу. Вяльцеву стало тошно, погано. Даже захотелось наругать, но – сдержался.

Вечером он старался хоть чем-нибудь занять себя, чтобы отвлечься от тревоги. Не получалось, в голове вновь и вновь возникали догадки о том, что происходит с детьми в таких случаях. Насильники, убийцы, подростковые группы смерти... Если Серёжа сам ушёл из дома, значит, действовал не спонтанно, готовился, имелась цель. Ушёл без учебников, без тетрадей. Куда? К кому? Кто позвал его?

Хотелось помочь, хоть как-то помочь, хоть в чём-то быть полезным, но приходилось лишь томиться и ждать. Восстановительные работы у провайдера закончились, и Вяльцев просмотрел ленту городских новостей: о пропаже Сергея Тосина – ничего. Это обнадеживает или удручает?..

А когда перевалило за полночь, психическое напряжение перешло в новую фазу. Подсознательно смирившись с тем, что Серёжа погиб, и привыкнув к мысли об этом, Вяльцев тяготился неизвестностью: хотелось непременно узнать, что же произошло, или хотя бы увидеть труп ученика. Один в своей квартире, он не мог справиться с тревогой, штормившей его, переходившей в панику. Не в силах больше бороться с наваждением, он выпил тройную дозу валерьянки, лёг в кровать и через некоторое время, измученный волнением и расслабленный лекарством, заснул.

Проснувшись с тяжёлой головой, Вяльцев первым делом потянулся к смартфону: проверить, есть ли пропущенные звонки. Но ночью никто не звонил. Отсутствие новостей привело к новой волне беспокойства: предстояло что-то тягостное, но Вяльцев не осознавал, что именно.

Позавтракав, побрившись, почистив зубы, он снова взял фотографию класса – и понял, что его тяготило. Предстояло вести урок в классе, где больше нет Тосина; увидеть его место пустым. Предстояло отмечать в журнале пропуски занятий, долгую череду пропусков, пока не...

Вяльцев выронил фотографию. И вдруг, словно желая использовать невесть откуда возникшую магическую возможность повлиять на ход событий, он метнулся в ванную, вытащил из бельевой корзины вчерашнюю рубашку и надел её. Подошёл к зеркалу, взглянул себе в глаза и горько усмехнулся.

В школу он вновь отправился пешком, мерно вышагивая и стараясь таким образом совладать с нервозностью. Глубоко вдыхал прохладный утренний воздух, глядел на ясное небо, на шедших в том же направлении учеников и учениц, с родителями и без, с рюкзаками и мешками для сменки, и некоторые ребята развлечения ради попинывали мешки на ходу. Они не горевали, они вообще, наверное, не знали про Тосина. Пока не знали...

А когда в плотном потоке учащихся Вяльцев уже подходил к вечно распахнутым школьным воротам, он мельком увидел... Он даже сперва не поверил... Вгляделся... По соседней дорожке к воротам шёл Тосин. «Серёжа! – закричал Вяльцев. – Серёжа! Тосин!» Тот обернулся на крик. По газону, по хрустким листьям Вяльцев с вытаращенными глазами подбежал

к нему. «Серёжа! Что случилось? – тараторил учитель. – Ты в порядке?» А ученик смотрел ему в лицо и улыбался.

Глава 2

В интернете много интересного. Интернет придумали, чтоб интересно было. Там куча лайфхаков и приколов. И ещё разные игры. Не компьютерные, а реалити. Круто! Тебе дают задания, а ты должен выполнять. Сначала лёгкие, потом сложнее. Лёгкие – не интересные. Зачем их дают? Сделай глупость какую-нибудь. Подпрыгни. Хлопни в ладоши три раза. Это же любой может.

Я начал играть. Сперва было так себе. Потом втянулся. Хлопнул в ладоши три раза. Разбил чашку. Родичам сказал, что случайно. Им до меня дела нет. Уроки выучил – и ладно. А остальное – по барабану.

Каждый день задания давали. По одному в день. Я выполнял. Хотел узнать: а чё дальше-то? Написали, чтоб сделал на руке порез и сфоткал. Я не стал. Крови боюсь. Меня из игры выкинули. И я немного обиделся.

Вписки – тоже здорово. Я хочу куда-нибудь вписаться. Но там чуваков не знаю. Нарвешься ещё на неадекватов... Я не очкую, но... пока не знаю. Ну, попозже впишусь.

«Прятки на сутки» меня прикололи. А чё, почти как в шпионов. И резать ничё не надо. И не так страшно... И ещё на смелость себя проверяешь.

Мне писала BlackAnna. Я не знаю, кто такая. Никогда её не встречал. Предложила сыграть. Спросила: «Смогу ли?» Я ответил: «Смогу». Ничё страшного. Обещала, что будет зашибенно. Никаких заданий не давала. Просто написала: «Исчезни на сутки, чтоб про тебя никто не знал. Никому ничё не говори. Не выходи на связь. Выключи мобильник, а лучше оставь дома. Возьми с собой попить и поесть. Затеряйся. Будь смелым. Обо мне – ни слова. Месседж удали». А я месседж не удалил, кстати. Для прикола оставил, хи-хи...

Я особо-то не парился. Взял воды, пачку печенья, шоколадку, чипсы. И тетрадки на следующий день, чтобы после «прятков» сразу в школу двинуть. Я не думал, куда пойду. Никакого плана не было. Решил: уйду утром, чтобы ничё не просекли. Типа в школу.

Ещё подумал, что можно узнать, как родичи тебя любят. Насколько сильно. Ну, проверить так. Узнать, на чё они ради тебя готовы. Реально ли любят.

Кажись, я им не очень важен. Они мной не интересуются, ничё сами не покупают. Я им по фигу. Когда просишь купить чё-нибудь, часто игнорят. Просто отказывают – и всё. А мне обидно. Может, они и не любят меня совсем. Если я пропаду, им будет всё равно. Или даже обрадуются. Я пропаду – а они обрадуются.

BlackAnna спросила точную дату, когда исчезну. Не знаю, на фиг ей это. А я написал другую дату, на день позже. Нет, я ничё не пронюхал. Ну, просто решил, что если пропаду, то и она ничё не узнает. Пропаду для всех. И для неё тоже. Круто придумал, да?

Свалил из дома утром. Почти дошёл до школы, потом повернул к остановке. Иду, а мне навстречу другие чуваки. Я просёк, что меня щас заметят. Друзья или учителя встретятся – и ничё не получится. Я свернул за детсад. Тут только вспомнил, что смартфон не вырубил. Вот бы спалился!.. Надо было его дома оставить, а не таскать с собой, всё равно он мне не нужен. Мне же запретили. А так только зря таскал, когда выключил.

За детсадом ещё дома были, я пошёл туда, побродил, потоптался. Скучно не было, лучше уж по улицам гулять, чем на уроках париться.

Так шарахался полчаса или дольше, оказался возле остановки. На автобусе доехал до тэцэ. Там классно. Эскалаторы, прозрачные лифты, магазинов много. Я там пару часов точно убил. Поел. Денег с собой почти не взял, болван! Такое дело замутил – и без денег! С собой только на пару кусков пиццы было. А то мог бы в кино намылиться, из кинозала не вылезал

бы. Надо было лучше готовиться. Лучше обмозговать всё. Я только уже потом просёк, но – поздняк...

Потом ещё пошарахался. В магазины не заходил, чтоб за вора не приняли. А то бы всё накрылось. Я особо не светился, да. Чтоб не застукали случайно. Просто ходил.

Потом в другое место попёрся. Погулял по улицам, зашёл в другой тэцэ. Погреться. Поднадоело, но надо было идти до конца. Стопудово. Я не мог всё бросить и спрыгнуть.

Скоро у меня еда закончилась. Которую с собой брал. Шоколадка, печенье. И пить хотелось. Я в толчке прям из крана попил. Вода – гадость. Думал, отравлюсь и подохну на фиг.

Когда поздно стало, я хотел на вокзал двинуть, там ночь проторчать. Но меня там взяли бы, я это просёк. И ночь в парке просидеть страшно, нарвёшься ещё... Ну и проторчал всю ночь у реки под мостом, забился в самый угол. Машины сверху ездили, прикольно.

Ночью такой дубак был! Я весь ооченел. Думал, околею. Ещё и руки-ноги затекали. Несколько раз вылезал размяться, разогреться. Зато никто вокруг не шарахался. Только машины сверху гоняли. И есть очень хотелось. Надо было больше жратвы с собой брать!.. И еще думал: а как там родичи без меня?

Утром поехал в школу. Решил домой не заходить. У меня же тетрадки с собой были. Нужно ровно сутки пропадать, ровно сутки, минута в минуту. А если бы я ещё домой заскочил, опоздал бы в школу. Или вышло бы меньше суток, а так нельзя. Было бы обидно: всего полчаса не дотянуть. А родичам думал перед уроками позвонить, чтоб не волновались.

Подхожу к школе – и тут ко мне мой классный подбегает, Андрей Саныч. «Серёжа, ты где был?» – спрашивает. Я ещё удивился: он-то откуда в курсах? Ему-то чё дёргаться?..

А я – радостный, я же сутки продержался! А он какой-то нервный, напуганный. Я ему: «Андрей Александрович, вы чё?» – «Где ты был?» – «Да всё нормально. Живой я, Андрей Александрович. В школу иду».

Глава 3

Характеристика

Тосина Сергея Валерьевича, 13.09.200* года рождения, учащегося 8 «Б» класса, проживающего по адресу: г. NN, ул. Софьи Перовской, дом 18, квартира 81. Семья полная, один ребёнок, родители трудоустроены.

Сергей обучается в школе №** с 1 класса. Начальную школу закончил на оценки «4» и «5». В средней школе продолжает учиться на «4» и «5». Пропусков уроков без уважительной причины не было.

Ученик имеет высокий уровень учебно-познавательной мотивации.

С преподавателями Сергей вежлив, отношения с одноклассниками ровные, в классе имеет много друзей.

Уход из дома на сутки является первым подобным случаем. Ранее таких поступков Сергей не совершал. По словам ученика, конфликтов с родителями не было.

Ученик нуждается в усилении контроля за его поведением со стороны родителей, а также в профилактических беседах со школьным психологом.

Директор МБОУ «Школа №**»

В. Д. Удальцова _____

Классный руководитель

А. А. Вяльцев _____

Глава 4

Перечитав только что законченную характеристику Тосина, Вяльцев фыркнул с досадой: «Глупости!» Слова «высокий уровень учебно-познавательной мотивации», «отношения с одноклассниками ровные», «конфликтов с родителями не было» никак не вязались с выходкой Тосина и с тем, что она неизбежно влекла за собой.

Конечно, в школе Вяльцев регулярно сталкивался с трудными подростками; конечно, ему доводилось наблюдать грубость и провокации, в том числе и в свой адрес; конечно, на специальных семинарах для педагогов Вяльцеву рассказывали об угрозах интернета и соцсетей. Поражало другое. Подраставших маргиналов и уголовников Тосин всячески сторонился. Замкнутым интернет-одиночкой тоже не был. Серёжа относился к той группе учащихся, с которыми легко любому учителю. Он делал домашние задания, в меру активно работал на уроках, не выплёскивал негативных эмоций. Словом, не доставлял учителям хлопот.

Не доставлял...

Вяльцев всегда был убеждён, что проблемы детей, во-первых, вызревают постепенно, во-вторых, проявляются в той или иной форме на любом этапе вызревания. Это подтверждал и весь его педагогический опыт: не было случая, чтобы не «прозвенели тревожные звоночки».

Но случившееся с Тосиным свидетельствовало о таком, с чем раньше Вяльцев не сталкивался. Крепко удерживая нить рассуждений, учитель пришёл к выводу, что либо проблема возникла спонтанно, либо в течение инкубационного периода не проявлялась вовсе. Либо проявления её были такими, что он, Вяльцев, сам не смог в них разобраться. Имелась выгодная лазейка: списать всё на летние каникулы, когда он с подростком не контактировал, выходит, не мог наблюдать и развитие проблемы. Выходит, он, возможно, тут вовсе ни при чём. И Вяльцев не заметил сам, как лазейкой воспользовался, да так ловко, что и нить рассуждений незаметно исчезла.

Тосину предстоял совет профилактики, и Вяльцев вызвал в школу его родителей, пообщался с ними, разъяснил ситуацию, вкратце описал грядущую процедуру. Родители, чувствовавшие себя виноватыми перед ним, под конец разговора выглядели окончательно подавленными. Положение, в котором они оказались, было для них постыдным и унижительным, и они, как и учитель, также не могли найти внятного объяснения поведению Серёжи.

Через несколько дней в кабинете директора собрались на совет профилактики, и явившийся с родителями Серёжа был удивлён: кроме Вяльцева и директора, пришли ещё два завуча, соцпедагог и школьный психолог. Мальчика напугало, что его поступок будут обсуждать так много взрослых людей, почти или вовсе не знакомых ему.

Расселись. Столы в кабинете, выстроенные буквой Т, всегда виделись Вяльцеву некой бюрократической фортификацией: сидит за главным столом начальствующее лицо и ведёт своими разрывными замечаниями прицельный огонь по подчинённым, которым и укрыться-то негде.

– Ну, Тосин, поиграл в прятки? – с ходу пальнула в ученика директор, Виктория Дмитриевна. От этого мальчику захотелось или выбежать из кабинета, или сползти под стол, найти там люк и нырнуть в него. Ему никогда прежде не доводилось разговаривать с Викторией Дмитриевной, так что её вопрос, заданный в упор безапелляционным тоном, полностью подавил его, и без того напуганного, слабого.

– Давайте рассмотрим суть дела, – попытался вмешаться Вяльцев.

– Именно этим, Андрей Александрович, я и занимаюсь, – отрезала директор, и Вяльцев покорно замолчал, а Виктория Дмитриевна продолжала: – Перейдём к разбору ситуации.

Её тон, теперь ставший официально-сухим и лишённым агрессивных интонаций, даже казался более миролюбивым. Но восстановить атмосферу объективности и беспристрастности уже было невозможно, особенно для Серёжи, опустившего голову и съёжившегося на стуле. А Виктория Дмитриевна заговорила:

– Утром 19 сентября этого года ученик 8 «Б» класса Сергей Тосин ушёл из дома и отправился гулять по городу вместо того, чтобы идти в школу. Сергей никому не сообщал о своих планах, выключил сотовый телефон, и в течение суток его родственникам не было о нём ничего известно. По словам ученика, он ходил по торговым центрам, по улицам, а ночь провел под мостом. За это время с ним ничего не случилось, и утром 20 сентября его, направлявшегося в школу, встретил классный руководитель, – Виктория Дмитриевна указала ручкой на Вяльцева. – Родители, ничего не знавшие о планах сына, обратились в полицию. Были проведены меры по розыску пропавшего, не давшие результатов.

Виктория Дмитриевна замолчала и выдержала паузу, после чего зачитала характеристику Тосина. И теперь слова «высокий уровень учебно-познавательной мотивации» и «конфликтов с родителями не было» звучали для Вяльцева так, словно это не положительные моменты, а отягчающие обстоятельства. Сидит виновный перед судом – и про него говорят хорошее. А это хорошее, оттеняя и ярче очерчивая вину, лишь усиливает её. И виновный должен не только свою вину искупать, но и всё то хорошее, что про него сказано. И отношение к нему – строже. И приговор – суровей.

Прочитав характеристику, директор выдержала ещё одну паузу и обратилась к ученику:

– Теперь мы слушаем тебя.

Сидевший понуро Серёжа даже не понял, что обращаются к нему. Тогда мама тронула его за руку, и он поднял голову.

– Слушаем тебя, – спокойно повторила директор.

Серёжа раскрыл рот, но ни мыслей, ни слов у него не было. А все ждали, он должен был говорить, и это понуждение лишило его последних сил: мальчик неожиданно зарыдал. Внезапно, резко, со всей мочи. И звуки рыданий похожи были на слова, будто мальчик оправдывался – и его оправдание с плачем клокотало в горле.

Сидевшая рядом мать обняла его, и он уткнулся в её пальто, словно ища защиты. Отец, степенный и молчаливый, встал и бросил директору:

– Могли бы говорить и помягче!

Та открыла рот, чтобы возразить, но речь про дисциплину, плохое воспитание, дрянное поведение, ответственность за свои поступки и за последствия, к которым эти поступки приводят, – речь эта так и осталась невысказанной: слишком злобно смотрел на неё Тосин-отец.

Психолог подошла к маме:

– Вам лучше выйти в коридор.

– Да-да, – сказала та, встала вместе с сыном и вывела его из кабинета.

Недовольная тем, что постепенно нагнетаемое ей напряжение привело к слишком быстрому – и совершенно не запланированному – срыву, директор подождала, когда оставшиеся рассядутся, и обратилась к отцу:

– Тогда расскажите вы.

– Что рассказать?

– По поводу случившегося. Ваше объяснение.

– Выслушивают ребёнка и родителей, – пояснила соцпедагог. – Пункт такой.

Отец, соображая, помолчал некоторое время, пожал плечами и произнёс:

– Мне сказать нечего.

Директор рассчитывала на нечто подобное и, как только обнаружилась брешь в уверенности противника, пошла в наступление:

– Но ведь с вашим сыном произошёл инцидент.

– Да.

– И нам всем, – она обвела взглядом присутствовавших, – нужно знать причины. Какие мотивы побудили ученика совершить столь безрассудный поступок.

Вяльцеву стало противно. Он бывал на советах профилактики и знал, что эта часть процедуры – самая унижительная. Сперва каяться и выворачивать душу наизнанку заставляют ребёнка, а потом – его родителей. И Виктория Дмитриевна Удальцова проделывала это умело, с деликатной изощрённостью. Отцу Тосина хотелось, чтобы она вела себя помягче, – и она будет вести себя мягче. Настолько мягче, что тошнота возьмёт. «Где она только научилась такому изуверству? Специальные курсы для директоров есть, что ли? Или, чтобы стать директором, нужно быть прирождённым изувером?» – гадал Вяльцев.

– Я не понимаю, как это случилось, – глухо проговорил отец.

– Тогда давайте подумаем вместе.

«Вот! Вот оно: вместе! Давай, Тосин-папа, выкладывай всю подноготную. Живописуй семейные проблемы. Сколько времени уделяешь воспитанию сына, а сколько времени не уделяешь».

– Чем ваш сын увлекается?

«И на что засматривается?»

– С кем дружит?

«Гуляет ли допоздна? Перезванивается ли с девочками?»

– Что читает? Какие фильмы смотрит?

«Какие сайты посещает? Был ли застукан с порнушкой? Восьмой класс – самый возраст».

– Виктория Дмитриевна, – вмешался Вяльцев, – я уверен, что Серёжиному папе, простите, вылетело из головы, как вас зовут, действительно нечего сказать. Я думаю, что уход сына из дома оказался для родителей полной неожиданностью.

– Вот и плохо, Андрей Александрович. Вот и плохо, что подросток сбегает из дома – а для родителей это полная неожиданность. Я подготовилась к нашему собранию. Вот, полюбуйтесь, – и из-под кипы лежавших перед ней листов директор вынула книжку.

Психолог ойкнула, и директор обратилась к ней:

– Сталкивались?

– Слышала о таких блокнотах, – уклончиво призналась та, и деланая неопределённость ответа выдала её куда более глубокую осведомлённость.

– Слышали? Теперь вот возьмите, полистайте. Я вам всем покажу, – директор вытянула перед собой руки и стала листать книжку, – смотрите. Это что-то вроде ежедневника, называется «Уничтожь меня». Задания на каждый день. Начинается с инструкции: «Всегда носи с собой. Следуй всем указаниям». Дальше вроде бы безобидно: «Оставь страницу пустой». А вот читайте: «Встань сюда, вытри ноги, прыгни сверху». Ребёнок должен это выполнить, да так вытереть ноги, чтобы следы остались. В уличной обуви, понимаете? «Разлей, расплескай, накапай».

– Расплеши, – зачем-то поправила соцпедагог.

– Ребёнок и расплешет, и расплескает, и размажет потом. «Нарисуй толстые и тонкие линии. Закрась всю страницу», – опять вроде бы безобидное, хоть и глупое. «Нарисуй что-нибудь бессмысленное. Разорви страницу на полоски». Не задумывайся, а просто разорви. «Пожуй эту страницу». Кто-нибудь из вас когда-нибудь жевал страницы? А вот эту страницу надо пожевать, и, я уверена, множество детей такое со своими дневниками проделали. «Вырви и скомкай. Рисуем языком». Остальное – в том же духе. Ну, что скажете?

– Где вы это достали? – спросила одна из завучей.

– Купила. Да, купила. И любой из вас может купить, в любом книжном. Или в интернет-магазинах. Это не сектантская брошюрка, не подпольный контрафакт. Всё абсолютно легально, никаких ограничений, никакого нарушения законов. Эту мерзость ещё и рекла-

мируют, активно рекламируют. Покупайте, дарите детям, пусть жуют страницы, – Виктория Дмитриевна сделала очередную эффектную паузу и продолжила: – А что будет в голове у ребёнка после того, как он выполнит все задания? Что в голове у него будет, как по-вашему? Чего он захочет после? Что ещё ему захочется потоптать и порвать? «Уничтожь меня». Отличное название! А почему бы не придумать продолжение, а? «Уничтожь себя» или «Уничтожь друга». Выпустить такой же милый блокнотик с заданиями, которые научат ребёнка, как с крыши спрыгнуть или товарища столкнуть. Про «синих китов» слышали? Здесь, – Виктория Дмитриевна щёлкнула ногтем по обложке, – та же методика. Абсолютно та же. И находятся те, кто покупают своим детям... такое.

– Этот блокнот какая-то канадская художница придумала, – подала голос одна из завучей. – Его во всём мире продают. Мировой бестселлер.

– А нам непременно нужно всякую гадость перенимать. В 90-е – я тогда начинала в школе учителем – особо рьяные старшеклассники писали на партах: «Секс – в школы». Тогда идеи секса активно в молодые умы внедряли. Так я одного отловила и поинтересовалась: «А как ты это себе представляешь – секс в школе?» Да, не стала ругать, а попросила озвучить, так сказать, план действий. А он стоял весь красный и молчал, болван. А сегодня секс для подростков – обычное дело. Сейчас уже и наркотики... Вот, недавно был случай в одной школе: нашли шприц в туалете для девочек. Выяснилось: выпускница забежала по старой памяти – и укололась. А дальше что будет внедряться: гей-пропаганда, группы смерти? А вы, – она вперилась суровым взглядом в Тосина-отца, – не знаете, как ваш сын докатился до такого. Не кажется ли вам, что вы слишком многого не знаете? Что пора бы уже знать побольше?

– Я не знаю, почему мой сын исчез на сутки, – отец говорил словно по инерции.

– Но серьёзность-то ситуации вы понимаете?

– Да.

– И нужно принимать меры. Срочные меры. «Прятки на сутки» – это сейчас модный тренд среди подростков. Хорошо, что Серёжа остался цел. Могло бы и что-нибудь неожиданное произойти. Или партнёры по игре такие правила придумают, что... Знаете вы, кто его в эти прятки сыграть надоумил? И с какой целью? Сейчас жизнь такая: всё быстро, молниеносно. Раз – и нет человека. И это не детские страшилки, поймите.

Виктория Дмитриевна спрятала книжку под кипу листов. Её отповедь произвела на всех гнетущее впечатление. Конечно, ждали чего-то подобного, ибо Удальцова славилась большим мастерством по части нагоняев и выговоров. Но сейчас она продемонстрировала не только напор и директорское красноречие – в её речи звучала правда. И она обрушила обвинения столь безжалостно, что, несмотря на полное согласие разума с доводами и аргументами, в душе хотелось защищаться. Вяльцев, которому Удальцова однажды устроила даже откровенную выволочку, после споров с ней всегда оставался при своём мнении, хоть и вынужденно подчинялся решениям директора. А на этот раз он был полностью согласен с начальницей, но что-то в нём противилось сказанному.

– Продолжим собрание, – чуть ли не обречённо сказала Виктория Дмитриевна, кивнула психологу и указал на дверь: – Пригласите.

Та послушно отправилась выполнять поручение.

Вот тут-то Вяльцев и разобрался в причине своего внутреннего несогласия, своего душевного протеста, сопротивления голосу разума – голосу Виктории Дмитриевны Удальцовой. Серёжин плач настроил Вяльцева против неё, и то в её словах, что было правильно, правильно, трижды правильно, тысячу раз правильно, – дошло до разума, но не достигло сердца. В сознании, словно мигающая лампа аварийной сигнализации, вспыхивало и вспыхивало: «Так нельзя. Так нельзя. Так – нельзя!» И что-то металось внутри, не находя покоя, лишая Вяльцева равновесия.

Когда вместе с психологом и мамой в кабинет входил заплаканный Серёжа, Вяльцев, посмотрев на него, решил, что обязан принять чью-то сторону. Пусть не в обсуждении, а мысленно. Он всегда и во всём стремился достичь определённости, ясности, потому что любил честность. Неопределённость же виделась ему отступлением от честности, рано или поздно приводящим к лживости. История, которую он преподавал уже много лет, имела множество примеров того, как личности, не способные совершить выбор, в конечном счёте терпели поражение. Когда необходим выбор – нужно выбирать, а не уклоняться, не отступать в сторону. И Вяльцев принял сторону провинившегося, потому что, приняв сторону директора, почувствовал бы себя предателем.

Стараясь всё делать беззвучно, вошедшие расселись, и Виктория Дмитриевна продолжила спокойным, даже чуть миролюбивым тоном:

- Нам необходимо выяснить причины, толкнувшие Сергея на этот поступок.
- Прекратите! – выкрикнул отец Серёжи.
- Это наша обязанность, – всё тем же ровным голосом ответила директор.

Вяльцев тронул отца за локоть, словно хотел если не удержать его, то хотя бы предупредить резкое движение:

– Не волнуйтесь. Так нужно, такая процедура.

– Сергей, – обратилась Виктория Дмитриевна к ученику, – ты видишь, в какой ситуации оказался сам и как подвёл своих родителей. Мы, – она обвела всех руками, – вынуждены вмешаться. И нам необходимо знать, что толкнуло тебя на этот поступок. Пожалуйста, расскажи нам.

Наступила пауза, которую директор умышленно не прерывала. Ученик должен был заговорить. И он заговорил:

- Это игра такая... Я узнал про неё в интернете...
- А от кого узнал?
- Ну, случайно...
- И что было дальше?
- Захотел попробовать. Поиграть.

– Тебе кто-то помогал? Кто-то общался с тобой, – Виктория Дмитриевна внимательно следила за учеником, за каждым его движением. И по тому, как он две-три секунды сидел молча, явно что-то обдумывая, она поняла: «Помогал».

- Нет, никто, – еле слышно проговорил Серёжа.
- Ты уверен?
- Да...

– А если ты просто забыл? Забыл от волнения. Ты подумай, вспомни. Это может оказаться очень важным.

– Со мной никто не переписывался.

Виктория Дмитриевна перевела взгляд на отца и повторила глухо, отстранённо:

– Никто не переписывался. А дальше? – и снова нацелила взгляд на ученика.

Серёжа растерялся от такого простого вопроса: он никак не мог сообразить, где во всей цепочке событий находится то самое «дальше», о котором его сейчас спрашивают.

- Как его звали? – неожиданно спросила психолог.
- Никак, – выпалил Сергей.

– Значит, кто-то всё же был, – подвела итог Виктория Дмитриевна.

Поняв, что запутался, Серёжа чуть было снова не заплакал. Ему очень не хотелось упоминать о BlackAnna, иначе он счёл бы себя предателем. И ещё ему стало жутко: а вдруг BlackAnna найдёт его и отомстит за всё... Но все взрослые пристально смотрели на него, и даже родители в эту минуту не выказывали своей поддержки. Нужно было срочно придумать какой-нибудь никнейм, но ничего подходящего на ум не приходило.

– Black, – сказал Серёжа. Он решил, что если не назовёт имя полностью, то и не предаст человека.

– Чёрный, – директор сказала так, словно, играя в мяч, ловко поймала сложную подачу. Итак, некто Black предложил тебе сыграть в «прятки на сутки». А где ты с ним познакомился?

– Не помню, – и тут Серёжа нисколечко не соврал, ибо и вправду не помнил, где и как пересёкся с BlackAnna.

– В соцсетях?

– Да, но где – не помню.

– А что ты знаешь о нём?

– Ничего, – и это тоже было правдой.

– А как он преложил это?

– Не помню. Просто предложил.

– Как вы общались? – вставила вопрос психолог. – Была какая-то закрытая группа, в которую ты входил?

Серёжа заёрзал: его снова припёрли к стенке. Сейчас ему придётся назвать группу – и окончательно раскрыться.

– Нет, – помедлив, ответил он.

– Тогда как вы общались? – не отступала психолог.

– По почте переписывались. Он мне письма слал.

Психолог посмотрела на Викторию Дмитриевну и еле заметно мотнула головой. Та заметила подсказку, да ей и без того было ясно, что никакой переписки не было. А была – и сейчас наверняка есть – закрытая группа, где натасканные по части психологии дяди и тётки морочат подростков, подстрекая их совершать страшные поступки.

– Сергей, припомни, возможно, всё-таки была закрытая группа? – вопрос Виктория Дмитриевна задал таким тоном, чтобы стало ясно: любой ответ, кроме утвердительного, будет расценен ею как ложь.

– Мы по почте переписывались, – ответил Серёжа, и в его голосе зазвучала некая твёрдость. А потом добавил: – Я все письма удалил.

Виктория Дмитриевна снова перевела взгляд на отца:

– По почте переписывались. Все письма удалил.

И вдруг, метнув взор на ученика, рявкнула:

– Перестань врать! Не было никакой переписки по почте. Посмотри на родителей. Посмотри, до чего ты их довёл. И не вздумай снова реветь! Как называлась закрытая группа? Отвечай!

Отец Сергея шумно завозился, словно хотел выразить своё недовольство чем-то, но Виктория Дмитриевна оставила это без внимания.

И Серёжа рассказал всю правду, умолчав лишь об одном: что никнейм был BlackAnna, а не Black. Он верил, что с ним общалась девушка, и после всего по-прежнему чувствовал себя немножечко рыцарем: не выдал её, утаив имя.

Покончив с выяснением прочих подробностей, директор обратилась к родителям и, периодически обращаясь к психологу для подтверждения собственной правоты, объяснила им механизм работы закрытых групп в соцсетях, часто оказывающихся группами смерти. Предложила несколько рецептов, больше для профилактики, чем для настоящей борьбы. Потом перешла к законодательству:

– Мы должны предупредить вас об ответственности за воспитание и поведение вашего несовершеннолетнего сына, которую вы несёте согласно, – она взяла верхний лист из своей кипы и стала читать, – Конвенции о правах ребёнка и Конституции Российской Федерации, статья 38, часть 2. За неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских обязанностей вы можете быть привлечены к юридической ответственности: к административной (статья 5.35

Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях); к гражданско-правовой (статьи 1073, 1074 и 1075 Гражданского кодекса Российской Федерации); к семейно-правовой (статьи 69 и 73 Семейного кодекса Российской Федерации); к уголовной (статья 156 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Кончив перечислять, она протянула лист отцу Тосина, который тот взял так небрежно, словно собирался сразу скомкать. Заметив это, директор попеняла:

– Зря вы так. Дело-то серьёзное. Вам ещё в КДН ехать.

– Куда? – отец удивлённо посмотрел на Вяльцева: ни о чём подобном классный руководитель Серёжиным родителям не рассказывал.

– Комиссия по делам несовершеннолетних, – расшифровал аббревиатуру Вяльцев. – Да, придётся. Это... – Вяльцев хотел сказать «неизбежно», но вовремя поправился, – необходимо.

– В полицию, что ли? – сдавленно проговорила мать.

– Нет, – посмешила вмешаться директор. – Но представитель полиции там будет.

Вяльцев хотел было бросить: «Спасибо, утешили», но промолчал.

– Процедура неприятная, – пояснила соцпедагог, – но – если в первый раз – больше формальная.

– Хотелось бы, чтоб вы оказались правы, – с явным неверием в формальность КДН заметила директор. – Теперь мы снова выслушиваем вас, – обратилась она к Тосиным. – Прежде всего тебя, Сергей. Что ты извлёк из нашего обсуждения? Какие выводы сделал?

Серёжа, большую часть обсуждения проплакавший в коридоре, пробубнил избитое обещание:

– Я больше так не буду.

– Да уж, постарайся. Вам тоже, – Виктория Дмитриевна глянула на родителей, – следует о многом подумать и предпринять необходимые действия. За помощью обращайтесь к классному руководителю, к соцпедагогу Тамаре Васильевне, – директор кивнула на неё, – и к школьному психологу Ольге Сергеевне, – и слова сопроводил кивок в другую сторону. Вы обещаете принять меры?

– Обещаем, – выпалила мать, – мы обещаем.

Родители Сергея, посчитав, что на этом всё и завершится, почувствовали хоть какое-то облегчение, внешним видом выражая готовность встать, попрощаться и уйти, но директор сменила тон на непроницаемо-официальный:

– Решение: ученик 8 «Б» класса Сергей Тосин ставится на внутришкольный учёт. Усиливается контроль за поведением ученика, который должен каждую неделю приходить к соцпедагогу и рассказывать о своих делах. Давайте протокол, Тамара Васильевна.

Родители посмотрели на неё чуть ли не с испугом. Отец, чьё внимание в течение всего заседания было сфокусировано на директоре, не замечал, что соцпедагог всё это время что-то непрерывно записывала. И как выяснилось теперь – протоколировала.

Директор просмотрела записи, убедилась, что про демонстрацию «Уничтожь меня» нет ни слова, после чего утвердительно кивнула и пустила их по кругу на подпись, сама расписалась последней.

– Что дальше будет, – отец Сергея указал на протокол, – с этим документом?

– Дальше Тамара Васильевна отвезёт протокол заседания в полицию, вместе с характеристикой классного руководителя. А потом – КДН. Дров-то наломали прилично.

Выходили из директорского кабинета так, словно никто не мог решить: лучше выйти первым или последним? Завучи, во время обсуждения почему-то не проявлявшие никакой активности, отошли в сторону и принялись философствовать. Отчего современные дети так восприимчивы к любому влиянию? Вот, «Трое из Простоквашино». Мальчик уехал из дома из-за пустякового конфликта с родителями, поселился в деревне. А родители не в милицию обратились, а дали объявление в газете: «Пропал мальчик». Сказочка, конечно. Но какая оказалась

популярная! И не было никаких массовых детских побегов – вот что важно! Дети жили дома, а не удирали невесть куда с котами. А теперь подростки готовы копировать любую глупость. Да ещё и сами придумывают такое!.. Чего только не вытворяют, лишь бы их в соцсетях лайкали.

Соцпедагог и психолог куда-то незаметно исчезли, Серёжины родители, видимо, чувствуя перед Вяльцевым неловкость, попрощались и ушли вместе с пристыженным сыном. Чтобы не выходить следом за ними, Вяльцев поплёлся в свой класс. Для него ничего сверхнеожиданного на заседании не произошло. Серёжины увёртки – обычное поведение загнанного в угол подростка, натворившего глупостей, а потом испугавшегося ответственности. Вяльцев даже не счёл это ложью. Эмоциональные же встряски директор нередко устраивала не только ученикам, но и учителям, а иногда и завучам. Зная характер Удальцовой, Вяльцев и сегодня был готов к чему-то подобному. Да, её правота была неоспорима, но сама Виктория Дмитриевна не знала, где следует провести границу, отчего Вяльцеву захотелось протестовать, протестовать открыто. Возбуждённо походив пару минут по классу, он спустился к директору. Та всё ещё сидела за столом, занимаясь какими-то делами.

– Виктория Дмитриевна, я хочу поговорить с вами насчёт Серёжи Тосина, – произнёс Вяльцев типовую для подобной ситуации фразу.

– Я вас слушаю, – ответ Удальцовой также оказался типовым.

– Зря вы так...

Удальцова молчала.

– Серёжа – хороший мальчик. Он же не хулиган, не шпанёнок.

– Со шпанёнком у меня и разговор был бы другой.

– Но... вам не кажется... что вы... всё-таки... перегнули?..

– Если и перегнула, Андрей Александрович, то не сильно.

– Вы так считаете?

– Да, я так считаю. Пожалуйста, не забывайте, что мальчика искала полиция. И его возвращение – очень удачный... финал. Могло быть и хуже. Вы со мной согласны?

– Но я уверен, что больше подобное не повторится.

– Надеюсь.

– Он образумится, я вам ручаюсь, – Вяльцев даже удивился, как вдруг перешёл на высокий стиль.

– И мне искренне хочется, чтобы ваш ученик не подвёл вас. И меня тоже. Мне искренне этого хочется.

Выходя от неё, Вяльцев испытывал смешанное чувство недоумения и облегчения. Недоумения, потому что его протест ни к чему не привёл, несогласие выразилось в согласии с Удальцовой. И облегчения, ибо выпад, который он готовился нанести, не поразил цель. Нанесённый им удар пришёлся в пустоту.

Глава 5

Грузинов возник ниоткуда. Сперва «сдружился» с Вяльцевым в «Фейсбуке», потом списались по электронной почте. Прислал пару бессодержательных посланий. После чего в «Фейсбуке» с Вяльцевым «раздружился», но второй канал связи поддерживал – и неожиданно предложил встретиться.

Вяльцев согласился, хотя был сильно озадачен: зачем он понадобился вузовскому одногруппнику, с которым не виделся почти двадцать лет? Они учились на истфаке в университете, однако никогда не были близки и в студенческих компаниях не пересекались. И уж тем более не враждовали, чтобы спустя много лет помнить друг о друге. А после вуза и вовсе не контактировали: их ничего не связывало. Учился Грузинов как будто похуже Вяльцева и в целом проявлял равнодушие и к оценкам, и к знаниям. По крайней мере, со стороны казалось именно так. И это было нормой: на истфак в те годы шли не ради изучения истории, а чтобы иметь хоть какой-то диплом о высшем образовании. Вяльцев рылся в воспоминаниях, вызывая образ Грузинова-студента, и тот возникал, маячил в отдалении, но никак не выходил на передний план, а лишь исчезал в кулисах памяти. Вяльцев не мог вспомнить о Грузинове почти ничего примечательного. И тем примечательней было то, что Грузинов вспомнил о Вяльцеве.

Они встретились в торговом центре, в том самом, где сначала побывал исчезнувший на сутки Тосин. И Вяльцев, проходя вдоль бутиков, вдруг увидел Серёжу, шарахнувшегося от него в сторону. Вяльцев только хмыкнул и пошёл дальше, а через несколько метров обернулся, услышав сзади виноватый Серёжин голос:

– Здравствуйте, Андрей Александрович.

– Добрый день.

– Андрей Александрович, извините...

– За что?

– Я не... Всё в порядке, Андрей Александрович, я просто тут хожу... Я никуда не убежал.

Позвоните родителям, если не верите.

– Я тебе верю.

– Честно, я никуда не убежал.

– Я верю.

– Я не убежал.

– Верю. И сегодня – воскресенье, – улынулся учитель, – поэтому в школу идти не обязательно.

Серёжа помялся и вдруг сказал:

– Спасибо.

– За что?

Ответа не нашлось, и ученик спешно попрощался:

– До свидания.

– Всего доброго, – кивнул Вяльцев, развернулся и пошёл дальше, чувствуя на душе что-то неладное. Так у мнительного и неуверенного в себе человека мгновенно портится настроение, если перед ним проскользнёт чёрная кошка. Вот и Серёжа словно перебежал ему дорогу.

Полагая, что заметит Грузинова издали и сразу узнает его, Вяльцев уверенно шёл к назначенному месту встречи и оказался застигнут врасплох, когда откуда-то слева окликнули: «Андрей!» Голоса Вяльцев не узнал, но понял, что это зовёт его бывший одногруппник, и, развернувшись, несколько растерялся: Виктор Грузинов неподвижно стоял перед витриной с манекенами, и стоял так, что казалось, будто он из их компании. Он выглядел довольно молодежким и элегантным. Лицо, напряжённое и как бы стягивавшееся в одну точку, выглядело хит-

ровато-хищноватым, как у злой мультяшной лисы. Ещё рыжеватая, хоть и потемневшая шевелюра. Коричневое пальто, явно в тон волосам, ладно сидело на стройной фигуре. Во внешности Грузинова было что-то рекламное, отчего хотелось рассмотреть его, полюбоваться им. Вяльцев, одетый в бесформенную болоньевую куртку и неприметную кепку, позавидовал чужой презентабельности и – невесть отчего – почувствовал горечь проигрыша, мелкого, пустячного, не сравнимого с поражением, но всё ж неприятного, обидного.

Он поприветствовал Грузинова, пожав протянутую руку:

– Здравствуй, Виктор.

– Слушай, я голоден, – радостный и слегка возбуждённый голос Грузинова звучал очень по-дружески. – Тут есть пара сносных ресторанчиков. Пойдём.

Вяльцев смутился: посещение ресторанов всегда являлось непозволительной роскошью для тощего учительского бюджета. Тем более он не собирался идти в ресторан с Грузиновым: с чего бы такие излишества? Но Вяльцев постеснялся прямо отказать и стал прикидывать, можно ли просто посидеть там, ничего не заказывая, а Грузинов уже увлекал его к лифту, и получилось, что Вяльцев вроде как и согласился.

В ресторане он шёл за уверенно двигавшимся Грузиновым, решив повторять всё за ним, дабы случайно не опростоволоситься. Вяльцев вообще побаивался официантов и таксистов, не имея с опыта общения с ними, а потому не знал толком, как следует себя вести.

У шагнувшей им навстречу искусственно-приветливой девушки в белой блузке Грузинов попросил столик на двоих, «в уголке». Она повела их по залу; справа тянулся ряд сервированных столов, слева, вдоль всей стены, открывались оформленные в стиле гротов ниши. Увидев свободную, Грузинов скомандовал шедшей впереди девушке: «Здесь», – и резко свернул в арку. Но белоблузка не остановилась, не услышав его или решив проигнорировать. Вяльцев неожиданно оказался перед выбором: за кем следовать? Будь он один – пошёл бы за белоблузкой. Но Грузинов действовал настолько уверенно, что Вяльцев подчинился его решению и тоже шагнул в нишу. Место там предназначалось явно не для двоих, и вернувшаяся к ним белоблузка попыталась было это объяснить, но Грузинов, в тот момент уже снимавший пальто, проигнорировал её замечание. Сев за стол, он сказал: «Меню», и прозвучало это как нечто среднее между просьбой и требованием, не допускающее, впрочем, возражений.

Вяльцев тоже разделся. В поношенной кофте с катышками он чувствовал себя здесь чужеродным телом. Ему не дано было естественно вписаться в изысканный интерьер, как это получалось у Грузинова, чей ладный пиджак из мягкой ткани – лишь повседневный гардероб элегантного господина. Но в обращении с приятелем Грузинов никак не подчёркивал своего превосходства и, когда Вяльцев сел-таки за стол, Виктор спросил:

– Графинчик водочки?

Вяльцев мотнул головой и, поняв, что отсидеться без заказа не получится, углубился в изучение меню. Точнее, цен.

– Тогда вина? Красного, белого?

Прикинув, что бутылка вина может выйти подороже графинчика водки, Вяльцев захлопнул меню.

– Я совсем не голоден. Ты заказывай, Виктор. Я посижу.

– Хорошо. Тогда позволь мне тебя угостить, – и Грузинов нажал кнопку вызова официанта.

– Угостить?! – ужаснулся Вяльцев. – Зачем? Что ты затеял?

Вместо ответа бывший одноклассник улыбнулся и легонько махнул рукой. В проёме ниши возник официант, и Грузинов быстро накидал заказ тысяч на пять. Вновь оставшись вдвоём с Вяльцевым, он проговорил успокоительно:

– Расслабься. Давай просто посидим, поболтаем. О счёте не беспокойся. У тебя, кстати, никаких ограничений в рационе нет? Врачи диетами не морят? Вот и отлично. А то я боялся, что закажу тебе что-нибудь не то.

– К чему всё это? Что тебе от меня нужно?

– Вот и поболтаем об этом. Как у тебя дела?

– Нормально.

– А в целом?

– И в целом нормально.

– Жизнью доволен?

– Доволен.

– Ну и отлично. Ты по-прежнему в школе?..

– Да.

– Сейчас в школе трудно, – понимающе заметил Грузинов. – Да и никогда не было легко. Работа – адская. Зарплата – низкая. Благодарности – никакой. А главное – полное бесправие. Когда я учился, со мной произошёл случай: по геометрии решали сложную задачу в классе. Учительница продиктовала условие, все записали. Она и говорит: «Я, дескать, и сама не очень представляю решение. Так что будем разбираться вместе». А я и брякнул: «А у нас и в голове не было, что вы знаете решение». Она мне сразу учебником по макушке треснула, я как раз на первой парте сидел. И знаешь, – тут Виктор выдержал небольшую паузу, – за дело получил-то. Я и не обиделся на неё вовсе. И она ко мне хуже относиться не стала. Ну, получил в воспитательных целях. Бывает.

– Вот тоже случай, – поддавшись дружеской откровенности приятеля, подхватил Вяльцев. – Учился у нас в классе второгодник. Роба у него была смазливая, блудливая. Как-то на географии проходили полярных исследователей, учительница назвала Скотта. А тот на весь класс: «Скот-т-тина!», – и «т» так просмаковал, до сих пор это помню. «Скот-т-тина!» Она его за шиворот – и из класса. А нам говорит: «Человек ради науки жизнью пожертвовал, а про него всякая шваль такое!..»

– И правильно она вышвырнула. Абсолютно заслуженно. А сейчас попробуй тронь ученика – засудят!

Официант принёс вино, откупорил бутылку и разлил по фужерам.

– Твоё здоровье, – Виктор легко взял бокал и потянулся чокнуться с Вяльцевым. Тому тоже пришлось поднять свой: ничего иного не оставалось.

Чокнулись, отпили вина, и Вяльцев поинтересовался:

– А почему вам давали сложные задачи по геометрии? Разве ты не на гуманитарной параллели учился?

– Нет, в физмате. Но мне точные дисциплины так надоели, что в одиннадцатом классе решил: на технические специальности поступать не стану. Ничего, подтянул литературу, историю, английский. Ну, и поступил туда, где мы с тобой и встретились.

– А сейчас чем занимаешься?

– Сложно сказать в двух словах. И в трёх тоже. Знаешь, есть такие сферы, где чем-то занимаешься, а вот объяснить, чем именно, – трудно.

– А с чем это связано?

– Ну, смотри... Я наблюдаю за тем, что сейчас происходит. В России, в мире, да и вообще. Что-то вроде пиара в его изначальном смысле.

– Рекламой?

– Не-ет. Реклама – это как раз то, во что пиар вырождается. А вообще это связи с общественностью. Public relations. Только не называй меня пиарщиком: я это слово не выношу. У меня оно с публичными туалетами ассоциируется. Звучит – как «писсуарщик».

Вяльцев хохотнул от неожиданной шутки.

– Тема не для застолья, – резюмировал Виктор. – Закроем её.

Официант принёс салаты и сырную нарезку. Вяльцев покосился на поставленную перед ним тарелку: кушать ли?.. Виктор же, не обращая на него внимания, принялся за свою порцию, и Вяльцев взял в руки вилку и зачем-то нож. Он посмотрел на Виктора долгим, пристальным взглядом. Всё то время, пока Виктор балагурил, сидя за столом, его подвижное, живое лицо выглядело открытым, правдивым. Теперь же в чертах снова проступило что-то хищное, лисье. Виктор, поглощавший салат, ничуть не походил на самого себя, несколько минут назад дружески болтавшего. Как будто у него было не одно, а два лица. И невозможно было разобрать, какое из них подлинное.

Доев салат и глянув на полупустые бокалы, Виктор подлил вина. Чокнулись ещё раз.

– Недурно готовят. И вино отменное. Да ты чего стесняешься?

– Объясни, – Вяльцев чуть подался вперёд, – что тебе от меня нужно?

– Опять ты за своё, чудак-человек. Ну, хорошо. У меня чёрная полоса в жизни. Душевный кризис. Подробностей рассказывать не стану.

– Извини, – смутился Вяльцев. – Всякое бывает, я понимаю.

– Ничего. Тут ещё возрастное наложилось. Прошлое часто вспоминается. А с тобой пересякся – и захотелось встретиться. Пообщаться. У нас, пожалуй, и тем для бесед нет, а мне вот захотелось посидеть, поговорить. Ешь салат, скоро подадут горячее.

Чувство неловкости в ресторане сменилось у Вяльцева чувством неловкости перед Виктором, который, кстати, выглядел вполне жизнерадостным, ничуть не подавленным. Вяльцев кинул взгляд в арку: а не уйти ли? Но решил, что этим ещё больше обидит приятеля, и принялся за салат.

– А ты не думаешь из школы уволиться? – неожиданно спросил Виктор.

– Куда? – отозвался Вяльцев.

– Так, интересуюсь.

– А куда я пойду-то?..

– Ну, это не проблема. Было бы желание, а работа всегда найдётся.

– Я только историю знаю. И педагогику. Если только в какой-нибудь лицей. А где ещё я нужен с таким профилем?.. – и тут, сообразив, Вяльцев мысленно одёрнул себя: «У кого я это спрашиваю! Оба один факультет окончили...»

Виктор хотел что-то сказать, но передумал и снова подлил вина.

– Пожалуй, одной бутылкой дело не обойдётся.

– Нет, мне хватит, – запротестовал Вяльцев. – Что есть в бокале – и всё, больше не подливай.

– Тогда тебе придётся долго растягивать удовольствие.

Официант принёс суп, разлил по тарелкам. Теперь Вяльцев ощущал некоторую уверенность, как в парикмахерской: сиди не двигаясь, а мастер всё сам делает.

– Никогда не ел суп из шампиньонов, – признался Вяльцев, когда официант ушёл, и сразу смутился: так глупо это прозвучало.

Виктор выразил искренне удивление:

– Шутишь! Я вот разок черепахового супа попробовал.

– И как?

– Так себе. То ли дело жирный борщ со сметаной!

Когда на второе подали котлеты по-флорентийски с картофельным пюре, Вяльцев даже пожалел, что не сделал заказ сам. Наверняка тут готовят судака по-особенному или даже телятину. И в душе ему несколько не было стыдно перед Виктором за такие мысли. Если тому захотелось пообщаться и угостить его, Вяльцева, вкусным обедом, то почему бы и нет... Виктор – неплохой человек. И прежде тоже был неплохим. Да и вообще любого следует считать неплохим, если о нём нельзя сказать ничего плохого.

Заговорили о прошлом, вспомнили студенчество. Девушек, с которыми вместе учились. Правда, тут Вяльцеву похвастать было нечем, и он вдруг осознал то, чему в прежние времена не придавал значения: Виктором интересовались многие девушки, а Вяльцева даже одноклассники почти не замечали.

Перебрали преподавателей, казусы на экзаменах. И о чём бы ни вспоминал Вяльцев, Виктор согласно кивал и поддакивал, а пару раз и дополнил. Зато рассказы приятеля иногда вызвали у Вяльцева недоумение: неужели такое случалось? Так, Ленка, «фамилию забыл, ну с длинными волосами, ну, ты помнишь», когда культурологию сдавали, спрятала «шпоры» под юбку: целая обложка на ляжке под резинками. И пошла на экзамен. Вот до чего додумалась! Не попросит же её преподаватель: «Девушка, задерите юбку».

– Я, кстати, после экзамена в коридоре юбку-то ей задрал. Все увидели: ровнёнький такой рядок «шпор», как гильзы скручены. Смеху было!.. Жаль, у неё в аудитории резинка не лопнула: высыпался бы на пол весь патронташ!

Вяльцев ничего подобного не помнил и решил, что тогда либо уже ушёл домой, либо всё ещё сидел в аудитории. Он даже не разобрал, с какой Ленкой это случилось.

За десертом Виктор неожиданно выдал:

– А твоя школа отличилась. Весь «Ютуб» взбаламутили.

Вяльцев потупился. Следом за историей с Тосиным, не имевшей особого резонанса, случилась другая – и куда серьёзней. Два балбеса, на сей раз из 8 «А», сняли креативный ролик о собственной глупости и выложили его на «Ютубе». Реакция со стороны Департамента образования последовала мгновенно, скандала и санкций избежать не удалось. И хотя Вяльцев к случившемуся не имел никакого отношения, упоминание Виктора, пусть и по-дружески беззлобное, всё равно было ему неприятно.

– Да уж, прогремели на всю страну, – поморщившись, согласился Вяльцев.

– Вот-вот. И главное: вы-то, учителя, ни при чём, а РУО всё равно вам по шапке наступало. Сидят эти чиновники в своих креслах – и только выговоры всем делают. Сами и занимались бы воспитанием подрастающего поколения. Правильно, Андрей?

Вяльцев кивнул, хотя толком не понял, что было бы правильно и как чиновники могли бы повлиять на ситуацию. Но чувствительная точка в его сознании, на которую Виктор легонечко надавил, сразу отозвалась болью: чиновники, конечно, всегда и во всём виноваты. Всегда и во всём.

Вообще, отношение Виктора к школьным проблемам импонировало Вяльцеву. Приятель всё понимал правильно, ко многому относился почти сочувственно и на дело смотрел так же, как и он, Вяльцев. Выходило, что учитель Вяльцев не одинок, учитель Вяльцев способен добиться понимания в этом мире. Понимания! А это уже не мало. И не имело значения, каким образом Виктор возник теперь на жизненном пути Вяльцева, какие обстоятельства свели их вместе. Важно было, что с ним можно поговорить откровенно, открыть ему душу – и он поймёт. Не отмахнётся, не пройдёт мимо. И Вяльцев, поддавшись неожиданному чувственному порыву, протянул через стол руку – для пожатия. Виктор чуть удивлённо посмотрел на неё и, отложив ложечку, подал Вяльцеву свою. Рукопожатие вышло долгим и несуразным, так что Виктор наконец спросил:

– Андрей, ты чего?

– Как же здорово, – торопливо проговорил Вяльцев, – что мы встретились.

– Да, пожалуй, – согласился Виктор. Он-то счёл, что неожиданное изъяснение дружбы связано с оплатой счёта, который вскорости им принесут.

Под конец Виктор рассказал несколько несмешных анекдотов про Путина, Вяльцев улыбался больше из вежливости. Ему хотелось сделать для друга что-нибудь приятное, поэтому, когда Виктор вызвал официанта и попросил счёт, Вяльцев полез за бумажником.

– Не надо, – остановил его Виктор. – Плачу я, как обещал.

– Но тут столько всего...

– Расслабься, – Виктор вынул несколько банкнот. – И будем считать, что ты мне ничего не должен. Окей?

– Окей, – помявшись, чтобы скрыть удовольствие, согласился Вяльцев.

Они вышли из ресторана, и Виктор, сославшись на срочные дела, быстро распрощался и ушёл. Вяльцеву тоже нечего было здесь делать, но очень хотелось продлить радостное настроение, и он пустился бродить по торговому центру, бесцельно заходил в бутики, брал красивые товары, вертел в руках и клал обратно. Это создавало у него иллюзию обладания дорогими предметами. Проходя мимо турагентства, он вдруг решил зайти и поинтересоваться турами в Рим или в Париж, сделал было шаг ко входу, но одумался и прошагал мимо.

Возвращаясь домой пешком, он радовался, глядя на предвечернее солнце. Холодный ясный день, безоблачное эмалевое небо, хрустальный, как будто звенящий воздух, – всё напоминало Вяльцеву другой осенний день, случившийся много лет назад, когда он, ещё школьник, возвращался откуда-то домой, и так же слепили снопы солнечных лучей, отражённые окнами. Забылось, откуда он шёл (из гостей? с прогулки?). Забылось, что вообще произошло в тот день. Всё забылось, что было не важным, – запомнились лишь бодрящая осенняя прохлада, яркий солнечный свет и упоительная радость оттого... Андрей даже сам не помнил – отчего...

Придя домой, он ещё некоторое время пребывал в блаженном веселье, а потом радость незаметно притупилась, ослабела, подступило уныние, засасывавшее в трясину депрессии.

Вяльцев осознал, какая пропасть – денежная, социальная – зияет между ним и Виктором. Учившиеся в одной группе, сидевшие в одних аудиториях и сдававшие одни экзамены (и получившие одни дипломы), они теперь находились так далеко друг от друга на жизненной шкале, что осознавать это неравенство Вяльцеву было очень тягостно. Причём особую горечь вызывал не успех Грузинова – успех, хочется думать, не такой уж и грандиозный, – нет, горько Вяльцеву было от собственной неудачи. «Я хочу прожить жизнь так, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», – заявлял молодой Кинчев, один из рок-кумиров школьника Андрея Вяльцева. И тогда для счастья нужно было просто жить, вовсе ни к чему не стремясь. А потом наступила обманчивая пора якобы бесконечной, якобы вечно длящейся молодости, когда вообще казалось, что «бесцельно прожитые годы» – это с другими, это точно не с нами, потому что мы юные, потому что у нас такой запас жизненных сил, что даже регулярные студенческие попойки не скинут нас с копыт. И хотя Андрей за всё время учёбы в вузе напивался всего два-три раза, но вполне разделял общее отношение к жизни: молодость – вот она! А «бесцельно прожитые годы» – это вообще что такое? А у нас ещё столько лет впереди, живи да живи, всё успеем, можно никуда не спешить.

Молодость закончилась как-то неприметно – никакой разделительной черты. Так что было не ясно, всё ли ещё впереди – или чего-то уже никогда не вернуть? Но вроде бы не происходило ничего непоправимого, жизнь тянулась, пусть уже и не такая насыщенная, как раньше. Впрочем, иногда чего-то недоставало, чего-то, что уже имелось у других: денег, машины, отдыха в Турции. Однажды на школьной линейке стало невыносимо тошно от песенки Шаинского. Тогда-то и раскрылся смысл слов «мучительно больно за бесцельно прожитые годы», такой невыносимо замогильный смысл, что и меломану Кинчеву, пожалуй, невдомёк было.

Не имея возможности съездить в Версаль или в Рим, Вяльцев всё-таки кое-где побывал: объехал Золотое кольцо, несколько раз посещал Питер и окружающие его дворцово-парковые городки-резиденции. Убеждал себя, что раз в советское время, при закрытой границе, граждане путешествовали так, по Союзу, то и ему, Вяльцеву, грех на судьбу жаловаться. Вон, ходят толпами японцы да немцы, издалека приехали нашими достопримечательностями любоваться. А ему для этого даже из страны выезжать не нужно. Ладно уж, проживём без Лувра и Колизея.

А время уходило, ровно и неприметно. Как-то так получилось, что семьи Вяльцев не создал, жил один в квартире, оставшейся от рано умерших родителей. Из школы, куда после вуза устроился работать, пока ничего лучше не подыщется, так и не ушёл: тоже как-то так получилось. У него всё в жизни «как-то так получалось». И всё выходило не так, как хотелось бы. Хотя уже ничего особо и не хотелось.

И вот, вспоминая встречу с Грузиновым и бессильно завидуя ему, Вяльцев понял, что когда-то что-то сделал неправильно – или не сделал вообще. Что пошёл по неверному пути и, слишком рано став Андреем Александровичем благодаря учительскому статусу, так ничего толком и не добился. Вместе с молодостью минуло время возможностей, которые, если они не появлялись сами, требовалось выискивать, выискивать, выискивать. Добывать из-под земли, а если нужно – то и из-под асфальта. Добиваться всего самому. Преодолевать трудности, преодолевать себя – самую главную трудность. Нужно было!.. Нужно было... А теперь!.. А теперь...

Вяльцев ещё раз подумал о Грузинове, о преуспевшем Викторе Грузинове – и горло сдавил спазм. Выть, рыдать, реветь! Но Вяльцев лишь горько заскулил, подавленный осознанием собственной слабости.

...Вдруг мелькнула мысль: «Виктор же интересовался, не собираюсь ли я уходить из школы!» Он наверняка – по старой памяти – хочет предложить какую-нибудь работу. «Конечно, как только я сразу об этом не догадался, раззява! Надо было хвататься за подвернувшуюся возможность, а я, дуралей, прозевал, прозевал!» В бешенстве Вяльцев стукнул себя кулаками по коленям. Всё, всё у него наперекосяк! И работа, и жизнь, и... и всё остальное!..

Включив компьютер, он написал письмо Грузинову. Сердечно поблагодарил, предложил встретиться ещё раз. Хотел было уже отправить, но в последнюю секунду понял двусмысленность послания: выходило, что ему хочется ещё раз отобедать за счёт приятеля. Дописав: «P.S. В ЭТОТ РАЗ ПЛАТИТЬ БУДУ Я», он подумал ещё с минуту, перечитал всё так внимательно, как дипломат читает иное донесение, от которого зависит вся его карьера, и наконец отправил письмо, шепча: «Только бы не сорвалось... Только бы не сорвалось... Хоть раз в жизни... Только бы получилось...»

Минут через десять Грузинов прислал ответ: «Договорились».

С выкриком «Всё получится!» Вяльцев по-мальчишески подпрыгнул и ударил кулаком воздух.

Глава 6

Скукотища!..

В школе скукотища. Дома скукотища. Каникулы тоже надоели...

В июне ещё оттяжно было, в июле тоже... В августе – чё-то не то... Даже в школу под конец захотелось: может, чё-нить прикольное будет? Нет, облом. Скучно.

Год назад мы такой приколом придумали: зажечь спичку на уроке. Зажгли. Колян, дурак, спичку в одной руке держит, коробок – в другой. Училка подошла – и коробок выхватила. А спичка прогорела. Надо было коробок мне отдать или в карман положить. Потом нас сразу к директору, трали-вали, сапоги-сандали. А чё такого? Пожара же не было. Мы же не дауны – школу поджигать! Хотели назавтра опять, но Колян чё-то очканул. А я без него не стал: одному тоже стрёмно.

А с трамваем я придумал. А чё, круто. Мы же ничё не поджигали. Другие ради прокола шмотки в магазинах тырят, жвачки всякие. Им эти жвачки на фиг не нужны, они их могут. Зато экстрим. А мы ничё не тырили, просто забегали и орали. Типа народ пугали.

Пошли, значит, на остановку. Сидели, ждали. Днём трамваи не битком, в вагоне свободно. Забегали в первую дверь, орали, бежали в конец, выбегали. А чё такого? Потом двери закрывались, трамвай уезжал.

Один раз кондукторша стала в дверях и нас не пускала. Она нас запомнила, чё-то там ругалась. Мы ломанулись в среднюю, пробежали полтрамвая. А кондукторша обломалась!

А ещё раз двери закрылись, пока мы бежали. Мы в двери колотим, а трамвай поехал. Все на нас оборачивались, пялились. А нам по фигу. Колян придумал: «Давай вперёд-назад по салону носиться, пока трамвай едет». – «Ты чё, дурак? – говорю. – А если авария? Потом скажут, что из-за нас».

А ещё такую фишку просекли: заснять всё на видео и ролик на «Ютуб» залить. Попиариться. Чтoб в интернете у всех крышу посрывало. Чтoбы нас там залайкали. Там всякую лажу выкладывают про себя – и народ тащится. А у нас тут в тыщу раз круче, оборжаться можно. Кароче, решили оторваться на полную.

Колян со смартфоном запрыгнул в заднюю дверь, я забежал в переднюю и понёсся по вагону. Ещё и рожу сделал пострашней. Там же на остановке посмотрели, поржали. Круто вышло. Потом поменялись: я снимал, Колян носился. Сделали несколько видосиков. Выбрали самые прикольные.

Я Коляну говорю: «Какой-нить музон надо фоном сделать в ролике. Чё-нить металлюжное». А он: «Туфта получится. Пусть лучше все слушают живой звук, а не фанеру».

Сперва как-то непривычно было зрять на себя: бегу на камеру и ору. Даже стеснялся немного. Когда бегал – нормально было, а со стороны... Думал: «Как дурак какой-то!..» Но не удалять же всё... Зря снимали, что ли?..

Кароче, склеили файлы. Залили ролик на «Ютуб». Зачётный видос получился. Его там сразу все заценили, лайкать начали. Мы реально себя звёздами «Ютюба» почувствовали. Даже решили продолжение снять: в автобусе или в метро. Я предлагал в масках монстров бегать. И в костюмах. Ваще отпадно получилось бы. А Колян хотел пробежать голышом! Блин, мы так ржали, когда он это ляпнул!..

Из-за ролика нас потом и вычислили. Ну, в полиции припугнули конкретно... Но ведь ничего же не случилось, бабульку откачали. Мы же не знали, что она такая нервная.

Глава 7

Ученики 8 «А» Коля Кулаков и Ваня Ермолаев, звёзды «Ютюба», ещё легко отделались. Съёмка последнего забега с воплями по вагону могла закончиться плачевно. Как только трамвай тронулся с места, одна из старушек застонала и схватилась за сердце. Все посчитали, что ей плохо, и на следующей остановке вызвали скорую, а также полицию – из-за настоятельных требований потерпевшей. Приехавшая медбригада не только «бабушку откачала», но и поставила неутешительный для больной диагноз: симуляция. Есть бабушки в русских трамваях, которые ездят не по делам, а чтоб с кондуктором и пассажирами пособачиться. А тут безмозглый юнец по салону с криками пронёсся. Разве можно упустить такой случай!

Но вызов полиции отменить было нельзя, так что хулиганов, и без того примелькавшихся водителям трамваев и кондукторам, стали искать. А креативный ролик только упростил поиски: опознать новоявленных звёзд теперь было нетрудно.

Слава сошла на Колю и Ваню как лавина – накрыв с головой. Но их всё равно извлекли на свет, подняли за шиворот, отряхнули, опознали, поставили перед строгим начальством и назвали по именам.

Пришлось спешно убирать ролик с «Ютюба», но это только усилило скандальную компоненту подросткового перформанса, особенно в масштабах школы. Все те лохи, которые не успели глянуть и заценить видосик, ибо вечно не в тренде, и вправду почувствовали себя лохами – и только и мечтали том, как бы позырить. Нашлись те, у кого видео сохранилось в памяти приложений, кто-то даже предусмотрительно скачал его, и запись пресловутого отжига Коляна и Ванька стала распространяться среди школьников, как самиздатовская машинопись меж советских диссидентов.

Им все завидовали, особенно же – Гоша Выкрутасов, их одноклассник. С гордостью нося свою фамилию и стараясь всегда и во всё её оправдывать, Выкрутасов был школьной достопримечательностью по части пакостей и провокаций. Выдумывая своим плоским умишком разные мелкие гадости и воплощая их в жизнь, он упивался своей скандальной славой и после пары лет упорных трудов добился того, что в школе прижилось выражение «выкрутасы Выкрутасова».

Жадный до славы, Гоша не выносил чужой известности. И когда Колян и Ванёк, которых он по шкале эпатажа ставил куда ниже себя, вдруг прогремели на весь «Ютюб», Гоша, яростно завидуя им, столь же яростно их возненавидел. Бедный, он годами добивался того, чтобы прославиться на всю школу, а тут его одним махом уделала пара фуфлыжников, которые даже громко пёрнуть на уроке дристанут.

Выкрутасову во что бы то ни стало требовалось восстановить status quo. Сперва он решил тоже что-нибудь заснять и выложить в интернете, но с его однобоко-гноусной фантазией не придумывалось ничего креативного. Пожалуй, если бы ненавистные ему звёзды «Ютюба» надумили его заснять пробежку с воплями гольшом, он взялся бы исполнить сей опасный номер, на худой конец в одних трусах. Но Колян и Ванёк считали Выкрутасова отмороженным, да и делиться с ним своей славой – это ещё с какого хрена?..

Оказавшись в безвыходном положении, Выкрутасов пошёл на очевидное эпигонство. Как-то на уроке он попросился в туалет. Учительница, чуя недоброе, поначалу не хотела отпустить его, но он стал угрожать неизбежной аварией и, опасаясь срыва урока – как бы выкрутасник и вправду не напрудил под партой, – она уступила. Оказавшись за дверью, Гоша заорал что было дури и побежал по школе. Оглашая своими криками гулкие коридоры, он носился по этажам, пока его не изловил школьный охранник. «Адвоката! Я требую адвоката!» – заголосил пойманный Выкрутасов – и получил «адвоката» по загривку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.